Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17582
EDN: IUVGJS

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Чаша жизни» в литературном и библейском контексте

А. Л. Сахарчук

Государственный университет просвещения
(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: sakharchukann@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу лирического стихотворения М. Ю. Лермонтова «Чаша жизни» (1831) в контексте литературной и библейской традиции. Выявлены особенности трансформации евангельских смыслов в лермонтовском лирическом тексте в сопоставлении его с другими прецедентными текстами: стихотворением С. П. Шевырева «Две чаши» (1826) и отрывком из поэмы Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» (1819). Особое внимание уделено осмыслению образа чаши как комплексного элемента, сочетающего христианскую символику, романтическую аллегорику и индивидуальное поэтическое мироощущение. В исследовании применена методология историко-культурной интерпретации, использованы методы интертекстуального, биографического и религиозно-философского анализа. Осуществлена верификация исследовательских позиций, показавшая совпадение современных научных подходов в вопросе о смыслообразующем значении евангельского пласта в творчестве М. Ю. Лермонтова. Установлено, что в контексте религиозно-философской рефлексии, характерной для первой трети XIX в., религиозные символы, использовавшиеся в русской и европейской литературной традиции, не столько задавали в творчестве юного поэта смысловые решения, сколько усиливали его внутренние импульсы, обращавшие к евангельскому слову и переосмыслению базовых экзистенциальных установок через призму Священного Писания. Лермонтовская символика чаши выступает маркером экзистенциональной пустоты, наступающей при утрате целостностной связи человека с Богом, что отличается от предшествующих интерпретаций и имеет черты авторской философской концепции.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, С. П. Шевырев, евангельские аллюзии, библейская символика, религиозно-философская проблематика, романтическая традиция, интертекстуальный анализ, семантика образа

Для цитирования: Сахарчук А. Л. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Чаша жизни» в литературном и библейском контексте // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 139–157. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17582. EDN: IUVGJS

© А. Л. Сахарчук, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.17582
EDN: IUVGJS

M. Yu. Lermontov's Poem "The Cup of Life" in the Context of Literary and Biblical Tradition

Anna L. Sakharchuk
State University of Education
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: sakharchukann@gmail.com

Abstract. This article examines Mikhail Yu. Lermontov's lyric poem "The Cup of Life" (1831) in the context of literary and biblical traditions. The aim of the study is to identify the ways in which Gospel meanings are transformed in Lermontov's lyric text through a comparative analysis with other precedent texts: S. P. Shevyrev's poem "Two Cups" (1826) and an excerpt from Lord Byron's "Don Juan" (1819). Particular attention is paid to the interpretation of the cup as a complex image combining Christian symbolism, Romantic allegory, and the poet's individual worldview. The study employs a methodology of historical and cultural interpretation, drawing on intertextual, biographical, and religious-philosophical approaches. A critical examination of various scholarly positions reveals a convergence among contemporary researchers regarding the formative significance of the Gospel dimension in Lermontov's oeuvre. The findings suggest that, within the context of the religious and philosophical reflection characteristic of the first third of the nineteenth century, religious symbols employed in Russian and European literary traditions did not so much predetermine the meanings of the young poet's works as reinforce his inner impulses, prompting him to turn to the Gospel and reconsider fundamental existential assumptions through the lens of Scripture. In Lermontov's poem, the symbolism of the cup functions as a marker of existential emptiness arising from the loss of an integral relationship between the human being and God. This interpretation distinguishes the poem from earlier treatments of the image and reveals features of an original authorial philosophical conception.

Keywords: M. Yu. Lermontov, S. P. Shevyryov, Gospel allusions, biblical symbolism, religious and philosophical themes, Romantic tradition, intertextual analysis, semantics of imagery

For citation: Sakharchuk A. L. M. Yu. Lermontov's Poem "The Cup of Life" in the Context of Literary and Biblical Tradition. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 139–157. DOI: 10.15393/j9.art.2026.17582. EDN: IUVGJS (In Russ.)

Контекстуальный анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Чаша жизни» (1831)[1] свидетельствует о его связи с рядом произведений, в мотивной организации которых прослеживается синтез христианской символики и романтической аллегорики.

В зависимости от смены научных парадигм исследователи указывали на разные источники и литературные параллели стихотворения «Чаша жизни». С одной стороны, влияние байронической традиции отмечено уже в ранней критике: С. С. Дудышкин в работе «Ученические тетради Лермонтова»[2] связал период создания текста с европейским романтизмом и характерным для юного Лермонтова «траурным» восприятием мира; позднее А. В. Федоров обращал внимание на связь тематики и эмоциональной тональности ранних стихотворений Лермонтова с увлечением творчеством Дж. Г. Байрона [Федоров: 156–157]. С другой стороны, как отмечал Б. М. Эйхенбаум в комментариях к академическому изданию 1935–1937 гг., тематика «Чаши жизни» могла быть навеяна «Двумя чашами» (1826) С. П. Шевырева [Лермонтов: 478]. В этом ключе, размышляя о влиянии представителей русской поэтической школы на лермонтовское творчество, А. И. Журавлева подчеркнула, что от «педанта» Шевырева к Лермонтову тянется «живая лирическая нить» [Журавлева: 41]. Литературный диалог и творческое переосмысление чужих поэтических образцов были в 1830-е гг., как показал Л. М. Аринштейн, распространенной практикой [Аринштейн: 24–25].

Одним из традиционных мотивов русской лирики являлся мотив чаши. Исследуя вариативность репрезентаций образа чаши — от углубленной философско-поэтической разработки до иронически-пародийных переосмыслений, — Д. Н. Жаткин заключил, что лермонтовская трактовка образа развивается в ключе общей традиции и восходит к «Элегии» А. А. Дельвига [Жаткин: 9]. Согласно интерпретации Е. Г. Рудневой, образ чаши в творчестве Лермонтова является продуктивным («отчасти благодаря влиянию Раича» [Руднева: 74]) и сквозным

[1] Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1859. № 11. С. 264–265.

[2] Дудышкин С. С. Ученические тетради Лермонтова. Статья 2-я и последняя // Там же.

для лирического цикла стихотворений, включающего наряду с «Чашей жизни» «Монолог» и «Думу» [Руднева: 74–75]. Б. Г. Бобылев констатирует многоплановость лермонтовской реминисценции, соединяющей христианские, античные и романтические (в том числе байронические) коды [Бобылев]. В контексте вариативности представленных научных доводов особую методологическую значимость имеет исследование И. А. Киселевой, смещающей акцент с установления литературного образца лирического произведения на выявление механизмов смыслопорождения в условиях межтекстовых связей [Киселева, 2024]. Как представляется, такая установка обладает значительным исследовательским потенциалом, позволяя проследить логику трансформации евангельских смыслов в лермонтовском тексте в сопоставлении с вероятными прецедентными текстами, в том числе со стихотворением Шевырева «Две чаши», произведениями Байрона и других представителей европейского романтизма. Подход Киселевой дает возможность реконструировать логику религиозно-философской рефлексии поэта, а также *предложить более дифференцированную интерпретацию образа чаши как результата взаимодействия христианской символики, романтической аллегорики и индивидуально-авторского мироощущения*. Существенную методологическую значимость при этом имеет рассмотрение указанного содержания (христианско-символического, романтически-аллегорического и индивидуально-авторского) в культурно-историческом контексте эпохи, отличавшейся высокой степенью религиозной вовлеченности. Опора на представление о христианских истоках русской литературы [Захаров] позволяет избежать редукции интерпретаций евангельских реминисценций в лирике поэта к мировоззренческим моделям более позднего, в том числе атеистического, времени.

Евангельские аллюзии в творчестве Лермонтова — важный смыслообразующий компонент: они придают нравственным коллизиям универсальную перспективу. В драме «Люди и страсти» христианская семантика усиливает трактовку конфликта личности и общества, обнажая трагизм человеческих устремлений [Юхнова]. В «Пророке» «стилистическая работа

поэта связана с желанием наполнить текст аллюзиями на Священное Писание, заставить читателя подсознательно искать аналогии в библейском тексте» [Киселева, 2020: 115]. Религиозно-нравственная основа творчества Лермонтова проявляется и как тоска, которая «направляет человека к Богу» [Гулин: 15]. Анализируя систему евангельских аллюзий в повести «Княжна Мери», Г. В. Москвин полагает, что евангельское откровение в романе «сообщает духовную максиму в пространстве смыслов человек и любовь» [Москвин, 2018: 132]. В интерпретации Э. В. Зайцевой дантовский образ Беатриче актуализирует в романе «Герой нашего времени» христианскую систему ценностей, на фоне которой раскрывается духовная проблематика личности Печорина [Зайцева]. Как показывает П. А. Москаленко, библейские аллюзии в поэмах «Азраил» и «Демон» раскрывают романтическую концепцию демонизма, придавая библейским образам новое художественно-философское звучание [Москаленко]. Мифическое время в поэзии Лермонтова раскрывается через мифологические архетипы и библейско-религиозные образы [Yekta Mir, Fateme] и др.

Самодостаточность религиозно-символической творческой интенции в ряде произведений Лермонтова (в том числе в «Чаше жизни») выступает как форма внутреннего диалога с Абсолютом и отражает экзистенциальную напряженность. Подобный тип переживания соотносится с романтической традицией, сфокусировавшей внимание на конфликте личности с реальностью и поиске смысла существования: именно в этом русле у поэта обретает особую глубину переживание пограничных состояний человека как субъекта бытия [Москвин, 2024: 4–5]. В целом для романтической поэтики характерно обращение к системе устойчивых символических и метафорических образов, посредством которых предметный мир наделяется философским и духовным содержанием [Kaya: 31–35]. Чаша становится одним из таких образов, восходящих к средневековой литературной традиции, в которой она обладала двойственной символикой, соединяя значения «чаши гнева» и «чаши спасения» [Bellis: 48].

Однако европейский контекст, значимый для Лермонтова в период работы над «Чашей жизни», имел иной решающий

аспект. По воспоминаниям Е. А. Сушковой, в Середникове поэт постоянно обращался к сочинениям Байрона[3]. Вероятно, этот интерес задал специфический вектор освоения романтической традиции — прежде всего через призму байронического конфликта и осмысления эволюции личности.

В поэме Байрона «Дон Жуан» (1824) библейские аллюзии, потенциально доступные для читательского восприятия в эпоху Лермонтова, демонстрируют ряд устойчивых особенностей: активное использование мотивов Священного Писания, развернутый моральный дискурс, творческое преломление духовных смыслов. Строфа 179 второй песни, написанной Байроном в 1819 г., открывает перед читателем образ дерева, который соотносится с образом древа познания добра и зла (“of life’s strange tree”) из Книги Бытия (Быт. 2:17): поэт описывает «опьянение» жизнью, оборачивающееся впоследствии разочарованием. Вероятно, именно эта художественная связка послужила импульсом для Лермонтова при разработке трактовки образа чаши жизни. Сопоставим строки двух поэтов. У Байрона:

> “Man, being reasonable, must get drunk;
> The best of life is but intoxication <…>
> Without their sap, how branchless were the trunk
> Of life’s strange tree, so fruitful on occasion:
> But to return, — Get very drunk; and when
> You wake with headache, you shall see what then” [Byron: 132].

У Лермонтова:

> «Мы пьем из чаши бытия
> С закрытыми очами,
> Златые омочив края
> Своими же слезами;
>
> Когда же перед смертью с глаз
> Завязка упадает,
> И все, что обольщало нас,
> С завязкой исчезает» [Лермонтов: 203].

[3] Сушкова Е. А. Записки: 1812–1841. 1-е полное изд. Л.: Academia, 1928. С. 111. (Сер.: Памятники литературного быта. Записки Екатерины Сушковой.)

Библейские сюжеты в поэме Байрона подвергаются ироническому переосмыслению: сакральные смыслы превращаются в материал для философской рефлексии. Показательно замечание исследователя Г. Олсена о характере религиозности поэмы: “Don Juan is not a blasphemous poem, and instead it adopts, adheres to, and even validates a Christian perspective” («"Дон Жуан" — не богохульная поэма; напротив, она принимает, придерживается и даже утверждает христианскую перспективу») [Olsen: 167]. Специфика обращения поэта к религиозной традиции заключалась не столько в отрицании ее положений, сколько в их переосмыслении. Привычные религиозные представления становились предметом интеллектуального спора и подвергались сомнению, а позднее соотносились с альтернативными точками зрения [Olsen: 139]. Напряженная интерпретационная энергия байроновского текста могла оказаться особенно значимой для Лермонтова, в лирике которого также прослеживается сложное взаимодействие экзистенциального опыта с религиозно-философскими смыслами.

Иронический модус, характерный для поэтики Байрона и достигший особой остроты в зрелом «Дон Жуане», нашел свое воплощение и в раннем творчестве Лермонтова (в сатире «Пир Асмодея» и др.). При этом следует отметить, что ирония в романтической поэтике всегда многозначна и может служить различным художественным задачам. Именно через иронию, по Ф. Шлегелю, в литературу проникает философская составляющая, так как ирония «содержит и пробуждает чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, между невозможностью и необходимостью исчерпывающей полноты высказывания» [Шлегель: 287]. Лермонтов не заимствует чужой образ, он переосмысливает традиционный мотив в системе индивидуального художественного мышления. Драматизмом, а отнюдь не иронией полны словосочетания «с закрытыми очами», «своими же слезами», «пуста была златая чаша», «напиток был — мечта» [Лермонтов: 203]: в них — горькое осознание иллюзорности земных упований. Байроновские тексты не столько задавали Лермонтову смысловые решения, *сколько усиливали его внутренние импульсы, обращавшие к евангельскому слову.* Так, стихотворение Байрона «Тьма» (1816) предположительно

побудило молодого поэта обратиться к Откровению Иоанна Богослова, чтобы творчески переосмыслить образы Второго пришествия [Ходанен: 44]. Можно допустить, что прямое взаимодействие с библейским текстом способствовало углублению философско-религиозной проблематики лермонтовской лирики и придало ей *особую эсхатологическую напряженность, принципиально отличную от байроновского скепсиса*.

Наряду с интерпретацией в русле байронической традиции, существенным для понимания творческих замыслов Лермонтова при создании «Чаши жизни» является взаимодействие поэта с русской поэтической культурой: с творчеством С. П. Шевырева. Показательно, что в русской лирике первой половины XIX в. лишь два стихотворения — «Чаша жизни» Лермонтова и «Две чаши» Шевырева — выносят ключевую лексему в заглавие, выдвигая образ чаши как концептуальную основу произведения. Общность номинативной стратегии позволяет отчетливее представить особенности расстановки акцентов, авторских тональностей, религиозно-философской оценки основного мотива.

Стихотворение С. П. Шевырева было опубликовано в «Альманахе Северная лира на 1827 год», составителями которого являлись С. Е. Раич и Д. П. Ознобишин. Преподаватель словесности и наставник Университетского благородного пансиона[4], Семен Егорович Раич оказывал заметное влияние на своих учеников: расширял их литературный кругозор через личные наставления, практику переводов, участие в литературных обществах, издание литературных альманахов и журналов[5].

[4] В этом пансионе в 1818–1822 гг. учился Шевырев, а в 1828–1830 гг. — Лермонтов. См.: Мурьянов М. Ф. Московский университетский благородный пансион // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 289–290; Петров Ф. А. С. П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М.: Альтекс, 1999. 57 с.

[5] Таковыми являлись «Новые Аониды» (1823), «Северная лира» (1827), «Галатея» (1829–1830 и 1839–1840). См.: Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека: библиограф. описание русских книжных редкостей: в 2 т. М.: Книга, 1969. Т. 2. С. 412; Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг.: материалы для истории русской журналистики. Пг.: Тип. Акционерного об-ва типограф. дела, 1915. 1067 с.

Лирика Шевырева, активно издававшегося в ряде литературных журналов[6], вызывала у юного Лермонтова творческий интерес. По мнению Б. М. Эйхенбаума [Эйхенбаум: 327] и В. Э. Вацуро [Вацуро: 217], на это, в частности, указывают реминисценции из стихотворения Шевырева «Русская разбойничья песня» (1828) в написанном Лермонтовым в 1831 г. стихотворении «Воля». Обратившись к идее «Двух чаш», Лермонтов не просто варьирует тему, а кардинально меняет ее тональность и смысл. Если в основе сюжета стихотворения Шевырева лежит сложное сплетение драматических размышлений о противостоянии мирского и высшего, несбыточности вкушения Чаши Нового Завета (что явлено в противопоставлении двух чаш и находит разрешение в выводе о бренности земных благ), то стихотворение Лермонтова «Чаша жизни» заканчивается неожиданно и однозначно: чаша жизни оказалась «пуста», а напиток в ней — лишь «сон». Таким образом, мотив тщетности существования у Лермонтова проявляется в дисгармонии между идеалом и реальностью: идеалы не могут воплотиться в земном бытии.

Переходя к сравнению особенностей евангельских аллюзий в стихотворениях Лермонтова и Шевырева, подчеркнем общее: элегический характер обоих произведений, строфическое и композиционное деление текстов на три части, особенности образной диалектики, создаваемой благодаря контрастам и стремлению к синтезу. Лермонтовское стихотворение имеет при этом подчеркнуто лаконичную форму, подтверждая в полной мере особенности творческого метода поэта — сжатость, краткость и вместе с тем емкость образа. Обратимся к евангельским аллюзиям стихотворений, сопоставляя их по ключевым ценностно-нравственным интенциям размышлений. *Отсылку к евангельскому тексту в заглавии* лермонтовского творения можно понимать в ключе толкований о земном и вечном святого праведного Иоанна Кронштадтского: «…земное, житейское, признаваемое за благо, есть суета, пустота»[7].

[6] Заметим, например, что в «Северной Лире», помимо стихотворения «Две чаши», опубликовано еще три лирических произведения автора [Северная лира: 44, 69, 90].

[7] Иоанн Кронштадтский, св. Моя жизнь во Христе: дневник отца Иоанна Кронштадтского (с портретом и биографическим очерком). СПб.: изд. П. П. Сойкина, 1903. С. 223.

В стихотворении Шевырева центральным является образ двух чаш, который перекликается с евангельским контекстом: в Евангелии от Луки последовательно упоминаются две чаши. Первая («И, взяв чашу и благодарив, сказал: приимите ее и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие» — Лк. 22:17–18) осмысляется как чаша ветхозаветной вечери, из которой испивали во время вкушения пасхального агнца, опресноков и горьких трав (по толкованию епископа Михаила (Лузина)[8]); она выступает предвестием грядущих событий. Вторая чаша («Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови, которая за вас проливается» — Лк. 22:20) знаменует установление Нового Завета через жертву Христа. При этом заглавие «Две чаши» не сводится только к библейской аллюзии: оно резонирует и с философско-эстетическими установками эпохи. Принцип полярности (дуализма), значимый в философии тождества Ф. Шеллинга, был близок кругу любомудров, к которому принадлежал и Шевырев. В «Чаше жизни» Лермонтова библейский подтекст выражен иначе: ключевое значение имеет мысль об иллюзорности земной жизни и о позднем трагическом прозрении.

Образ наполненной чаши в стихотворении Лермонтова связан с осмыслением неполноты мирского существования; поэт фиксирует метафизическую неосуществимость абсолютного совершенства, к пониманию которой человек приходит на пороге смерти: «в ней [чаше] напиток был — мечта». Эта констатация тщетности мечтаний перекликается с евангельским предостережением:

> «Итак, наблюдайте, как вы слушаете: ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь» (Лк. 8:18).

У Лермонтова иллюзорность земных упований становится смысловым финалом: чаша, призванная нести полноту

[8] Михаил (Лузин), еп. Толковое Евангелие: в 3 кн. Минск: Изд-во Белорус. Экзархата, 2004. Кн. 2: Евангелие от Марка и Луки. Толкование на Лк. 22 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Luzin/tolkovanie-na-evangelie-ot-luki/22 (13.08.2026).

бытия, оказывается пустой, а ее содержимое — лишь призрачной мечтой, обнажающей разрыв между идеалом и реальностью. Среди толкований этой части наставления Иисуса Христа обратим внимание на разъяснения святителя Кирилла Александрийского: «В людей, охотно обучающихся и хорошо расположенных к принятию божественных глаголов, вселится Святой Дух, взращивающий в них дарования. У тех же, кто стяжал искру света и пренебрег ею, совершенно угаснет и отнимется даже то малейшее, что они имели прежде» [Библейские комментарии: 337–338]. Разъяснение помогает понять символический смысл окончания стихотворения: золотая чаша в конце жизни — пуста, чаша — «не наша», мы потеряли свои дарования (притча о талантах (Мф. 25:14–30)) в погоне за иллюзией.

У Шевырева наполняющее чашу «кипящее вино» состоит из «скорбей и наслаждений»[9]. Мотив духовной скорби, сокрушения сердца от осознания собственных грехов можно найти в Евангелии от Матфея («Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4)), где речь идет о покаянии. Святитель Иоанн Златоуст подчеркивал, что Христос называет блаженными не просто плачущих, а тех, кто плачет о своих грехах [Златоуст; т. 7: 151]. В своем толковании на 2 Кор. 7:10 святитель различает два вида печали: печаль «по миру», которая ведет к смерти души, и печаль «по Бозе» — печаль о грехах, об оскорблении Божьей чести или об опасном положении находящихся во грехе [Златоуст; т. 7: 151].

Таким образом, сопоставление семантических моделей двух стихотворений позволяет констатировать различное духовно-смысловое наполнение, заложенное поэтами в образе наполненной чаши. Лермонтов выражает *эсхатологическую идею ответственности и отчетности в конце времен*, а ключевая аллегория стихотворения Шевырева — две Чаши — *чаша жизни в падшем состоянии*, которую лирический герой испивает на земле, и *чаша новозаветная*, которой он недостоин, но которую может принять по дарованной Христом благодати.

[9] Шевырев С. П. Две чаши // Шевырев С. П. Стихотворения / вступ. ст., ред. и примеч. М. Аронсона. Л.: Сов. писатель, 1939. С. 22.

Основная идея стихотворения Шевырева — мысль об антиномичности земного существования:

«Упился ль счастьем в жизни я
И душу переполнил:
Но ах! миг райский бытия
О вечном ей напомнил»[10].

Она перекликается с библейской антропологической концепцией, предполагающей соединение телесного и духовного начал в человеческой природе:

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в ноздри его дыхание жизни; и стал человек душою живою» (Быт. 2:7).

Но если у Шевырева в земной жизни, служащей приготовлением к жизни вечной, обнаруживают себя как скорби, так и радости, напоминающие о рае, то звучание лермонтовского текста характеризуется экзистенциальной трагичностью универсального масштаба:

«Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша» [Лермонтов: 203].

Следует отметить, что в третьей части стихотворения Шевырева также звучат мотивы расплаты за неправедную жизнь человека на Земле: «отраву льет», «томящее желанье», «пламень», «жажда», «жжет», «горит душа, огнем полна», «стонет», «сирая»; в ветхозаветных текстах находим: «…но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих…» (Иер. 20:9); «Я изнемог от вопля, засохла гортань моя…» (Пс. 68:4) и др. Однако трактовка трагического итога у поэтов различается: если у Шевырева акцент сделан на ужасе и горечи расплаты, связанной с пребыванием человека в падшем состоянии, то Лермонтов смещает фокус на экзистенциальное отчаяние и острое осознание бессмысленности жизни перед лицом смерти. Так, и в «Чаше жизни» Лермонтова, и в «Двух чашах» Шевырева отказ от духовных ценностей ведет к трагическому осознанию пустоты земного существования, но раскрывается эта коллизия в разных эмоционально-смысловых

[10] Шевырев С. П. Две чаши… С. 22.

регистрах — как переживание неизбежной расплаты в стихотворении Шевырева и как опыт предельного экзистенциального прозрения у Лермонтова.

В понимании Лермонтова человек в ранней поре своей земной жизни подобен слепцу: прозрение к нему приходит позже, на пути духовного возрастания и обретения Веры. Здесь можно увидеть отсылку к библейскому сюжету о невидимом для глаза растущем семени: человек «спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (Мк. 4:26–29). Однако эта надежда на духовное возрастание остается как бы за пределами самого текста, данность — это лишь понимание бессмысленности наслаждения жизнью. Шевырев же в саму художественную ткань вводит мотив надежды, которая представлена как утешение человека в его земной жизни. Во фрагменте «Подаст ли рок сосуд забот: / Слетает вмиг украдкой / Надежда и в него вольет / Вино отрады сладкой»[11] поэт изображает возможность ощущения благодати Святого Духа в реальной перспективе переживания («Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою» (Рим. 15:13)) и вкуса «сладкой как мед» надежды из Притч царя Соломона (Притч. 24:13–14).

В стихотворении Шевырева демонстрируется естественная неполнота земной жизни, которая, однако, дарует человеку редкие ощущения вечности, хотя бытийственную целостность душа обретает только на «родине небесной». Лермонтов демонстрирует особую позицию, проявляющуюся в стремлении поэта к полноте переживания божественного присутствия в жизни и отрицании всякой ценности преходящего. Лермонтовское стихотворение «Чаша жизни» становится символическим изображением призрачности земного и идеи горького прозрения, которое приходит к человеку перед смертью. Причиной этой пустоты является отчуждение падшего человека от Бога. Лермонтовская рецепция библейского образа Чаши, опирающаяся на личный опыт поэта и находящаяся в диалоге с современной ему литературной традицией, приобретает

[11] Шевырев С. П. Две чаши… С. 22.

черты философской концепции, полнота постижения которой, конечно, невозможна без обращения ко всему творчеству Лермонтова.

Список литературы

1. Ариштейн Л. М. Реминисценции и автореминисценции в системе лермонтовской поэтики // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 23–48.
2. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Тверь: Герменевтика, 2007. Т. Ia: Евангелие от Матфея 1–13 / ред. тома М. Симонэтти; ред. рус. изд. тома Ю. Н. Варзонин; пер. с англ., греч., лат. и сир. К. Л. Боголюбов [и др.]. XXXV, 391 с.
3. Бобылев Б. Г. «Умирающий гладиатор» М. Ю. Лермонтова: эстетическое единство формы и содержания (к 210-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85. № 5. С. 50–59 [Электронный ресурс]. URL: https://www.riash.ru/jour/article/view/2205/1402 (13.08.2026). DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-50-59. EDN: IXTSLG
4. Вацуро В. Э. М. Ю. Лермонтов // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.) / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, 1976. С. 210–248.
5. Гулин А. В. Небесный ангел Михаила Лермонтова (духовный опыт как творческая категория) // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1. С. 6–35 [Электронный ресурс]. URL: https://rusklassika.ru/images/2023-5-1/01_Gulin_6-35.pdf (13.08.2026). DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35. EDN: DEWJFF
6. Жаткин Д. Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // Русская речь. 2006. № 1. С. 9–13 [Электронный ресурс]. URL: https://russkayarech.ru/ru/archive/2006-1/9-13 (13.08.2026). EDN: HTBMNR
7. Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе: проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с. EDN: RAYTXL
8. Зайцева Э. В. Спасительный образ Беатриче в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Национальный стиль русской литературной классики: мат-лы VIII Межвуз. науч.-практ. конф., (Москва, 7 апреля 2022 г.). М.: МГПУ, 2023. С. 89–97 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50381112_99337747.pdf (13.08.2026). EDN: YFYUZZ
9. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370 (13.08.2026). EDN: RUYJPT
10. Иоанн Златоуст, свт. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: в 12 т. 2-е изд. СПб.: СДА, 1911. Т. 7. 912 с.

11. Киселева И. А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/article.php?id=6762 (13.08.2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762. EDN: GXENEL
12. Киселева И. А. М. Ю. Лермонтов как духовный преемник А. С. Пушкина // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2 (117). С. 45–58 [Электронный ресурс]. URL: https://rcsi.science/upload/medialibrary/eef/nqpy2qhmcvwtqrnq9gkiatv1co2dze0k/RFBR_2(117)2024_45-58.pdf (13.08.2026). DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58. EDN: HKYESS
13. Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. / ред. текста, коммент. и предисл. Б. М. Эйхенбаума; подгот. текстов Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1: Стихотворения, 1828–1835 гг. 539 с.
14. Москаленко П. А. Библейские аллюзии в поэмах М. Ю. Лермонтова // Ratio et Natura. 2023. № 1 (7) [Электронный ресурс]. URL: https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2023-06/bibleyskie-allyuzii-v-poemakh-m.-yu.-lermontova.pdf (13.08.2026). EDN: OWBFDA
15. Москвин Г. В. Эволюция прозы Лермонтова (от Веры Лиговской к княжне Мери) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2018. № 4. С. 124–134 [Электронный ресурс]. URL: https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/327/324 (13.08.2026). DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-124-134. EDN: VAAMBJ
16. Москвин Г. В. К вопросу о начале экзистенциальной прозы М. Ю. Лермонтова // Litera. 2024. № 8. С. 1–8 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71312 (13.08.2026). DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71312. EDN: ZHNLOE
17. Руднева Е. Г. «Нужно понять все многообразие образов великого символа чаши» (Н. К. Рерих) // Новый филологический вестник. 2017. № 1 (40). С. 68–83 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28949240_23554055.pdf (13.08.2026). EDN: YJMXFB
18. Северная лира на 1827 год / подгот. изд. Т. М. Гольц, А. Л. Гришунина. М.: Наука, 1984. 416 с. (Сер.: Лит. памятники.)
19. Федоров А. В. Творчество Лермонтова и западные литературы // М. Ю. Лермонтов / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. 1. С. 129–226 [Электронный ресурс]. URL: https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l43/l43-129-.htm (13.08.2026). (Сер.: Лит. наследство; т. 43/44.)
20. Ходанен Л. А. Ранняя лирика М. Ю. Лермонтова в библейском контексте // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 62. С. 41–49 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_53977234_12564980.pdf (13.08.2026). DOI: 10.31773/2078-1768-2023-62-41-49. EDN: KYFDRQ

21. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. / вступ. ст., сост., пер. с нем. Ю. Н. Попова. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с. (Сер.: История эстетики в памятниках и документах.)
22. Эйхенбаум Б. М. [Комментарий] // Лермонтов М. Ю. Стихотворения / ред. и коммент. Б. М. Эйхенбаума. Л.: Сов. писатель, 1940. С. 277–335.
23. Юхнова И. С. Евангельские аллюзии в драме М Ю. Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти») // Евангельский текст в русской словесности: сб. тезисов докладов X Всерос. науч. конф. (с междунар. уч.) / отв. ред. И. С. Андрианова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 179–181 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44008413_33249490.pdf (13.08.2026). EDN: KSNNDV
24. Bellis J. The Dregs of Trembling, the Draught of Salvation: The Dual Symbolism of the Cup in Medieval Literature // Journal of Medieval History. 2011. Vol. 37. Issue 1. P. 47–61. DOI: 10.1016/j.jmedhist.2010.12.003
25. Byron G. The Complete Poetical Works / ed. by Jerome J. McGann. Oxford: Clarendon Press, 1986. Vol. 5: Don Juan. 794 p.
26. Kaya H. The Recurrent Metaphors in English Romantic Poetry: An Ecocritical Rereading of Wordsworth, Coleridge, Shelley and Keats // Al Farabi Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi. 2020. Vol. 5. No. 3. P. 30–39. DOI: 10.46291/Al-Farabi.050303
27. Olsen G. Byron and God. Representations of Religion in the Writings of Lord Byron. PhD. Thesis. Auckland: The University of Auckland, 2010. 370 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/114176790/Byron_and_God_Representations_of_religion_in_the_writings_of_Lord_Byron (13.08.2026).
28. Yekta Mir A., Fateme C. A Comparative Study of the Mythical Time in Sohrab Sepehri's Poems and Mikhail Lermontov // Journal of Comparative Literature. 2023. Vol. 15. No. 28. P. 347–375. DOI: 10.22103/jcl.2023.20680.3566

References

1. Arinshteyn L. M. Reminiscences and Autoreminiscences in the System of Lermontov's Poetics. In: *Lermontovskiy sbornik* [*Lermontov Collection*]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 23–48. (In Russ.)
2. *Bibleyskie kommentarii ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I–VIII vekov. Novyy Zavet* [*Biblical Commentaries by the Church Fathers and Other Authors from the 1st to the 8th Centuries. New Testament*]. Tver, Germenevtika Publ., 2007, vol. Ia: The Gospel of Matthew 1–13. XXXV, 391 p. (In Russ.)
3. Bobylev B. G. "The Dying Gladiator" by M. Yu. Lermontov: Aesthetic Unity of Form and Content (to the 210th Anniversary of the Birth). In: *Russkiy yazyk v shkole* [*Russian Language at School*], 2024, vol. 85, no. 5, pp. 50–59. Available at: https://www.riash.ru/jour/article/view/2205/1402 (accessed on August 13, 2026). DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-50-59. EDN: IXTSLG (In Russ.)

4. Vatsuro V. E. M. Yu. Lermontov. In: *Russkaya literatura i fol'klor (pervaya polovina XIX v.)* [*Russian Literature and Folklore (First Half of the 19th Century)*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 210–248. (In Russ.)
5. Gulin A. V. Heavenly Angel of Mikhail Lermontov (Spiritual Experience as a Creative Category). In: *Dva veka russkoy klassiki* [*Two Centuries of Russian Classics*], 2023, vol. 5, no. 1, pp. 6–35. Available at: https://rusklassika.ru/images/2023-5-1/01_Gulin_6-35.pdf (accessed on August 13, 2026). DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35. EDN: DEWJFF (In Russ.)
6. Zhatkin D. N. "The Cup of Life" in Russian Poetry. In: *Russkaya rech'* [*Russian Speech*], 2006, no. 1, pp. 9–13. Available at: https://russkayarech.ru/ru/archive/2006-1/9-13 (accessed on August 13, 2026). EDN: HTBMNR (In Russ.)
7. Zhuravleva A. I. *Lermontov v russkoy literature*: *problemy poetiki* [*Lermontov in Russian Literature*: *Problems of Poetics*]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002. 288 p. EDN: RAYTXL (In Russ.)
8. Zaytseva E. V. The Saving Image of Beatrice in the Novel by M. Yu. Lermontov "The Hero of Our Time". In: *Natsional'nyy stil' russkoy literaturnoy klassiki*: *materialy VIII Mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 7 aprelya 2022 g.)* [*The National Style of Russian Literary Classics*: *Proceedings of the 8th Interuniversity Scientific and Practical Conference (Moscow, April 7, 2022)*]. Moscow, Moscow City University Publ., 2023, pp. 89–97. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_50381112_99337747.pdf (accessed on August 13, 2026). EDN: YFYUZZ (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: P*roblemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 5–11. Available at: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370 (accessed on August 13, 2026). EDN: RUYJPT (In Russ.)
10. John Chrysostom, Saint. *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode*: *v 12 tomakh* [*The Works of Our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, in Russian Translation*: *in 12 Vols*]. 2nd ed. St. Petersburg, St. Petersburg Theological Academy Publ., 1911, vol. 7. 912 p. (In Russ.)
11. Kiseleva I. A. "The Prophet" by A. S. Pushkin (1826) and "The Prophet" by M. Yu. Lermontov (1841): A Comparative Semantics of the Motifs. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 111–129. Available at: https://poetica.pro/journal/article.php?id=6762 (accessed on August 13, 2026). DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762. EDN: GXENEL (In Russ.)
12. Kiseleva I. A. Mikhail Lermontov as Alexander Pushkin's Spiritual Successor. In: *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [*Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*], 2024, no. 2 (117), pp. 45–58. Available at: https://rcsi.science/upload/medialibrary/eef/nqpy2qhmcvwtqrnq9gkiatv1co2dze0k/RFBR_2(117)2024_45-58.pdf (accessed on August 13, 2026). DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58. EDN: HKYESS (In Russ.)

13. Lermontov M. Yu. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 5 tomakh* [*The Complete Works*: *in 5 Vols*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936, vol. 1: Poems, 1828–1835. 539 p. (In Russ.)
14. Moskalenko P. A. Biblical Allusions in the Poems of M. Yu. Lermontov. In: *Ratio et Natur*a, 2023, no. 1 (7). Available at: https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2023-06/bibleyskie-allyuzii-v-poemakh-m.-yu.-lermontova.pdf (accessed on August 13, 2026). EDN: OWBFDA (In Russ.)
15. Moskvin G. V. Evolution of Lermontov's Prose (from Vera Ligovskaya to Princess Mary). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.*: *Russkaya filologiya* [*Bulletin of Moscow State Regional University. Ser.*: *Russian Philology*], 2018, no. 4, pp. 124–134. Available at: https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/327/324 (accessed on August 13, 2026). DOI: 10.18384/2310-7278-2018-4-124-134. EDN: VAAMBJ (In Russ.)
16. Moskvin G. V. On the Topic of the Beginning of Existential Prose by M. Yu. Lermontov. In: *Litera*, 2024, no. 8, pp. 1–8. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71312 (accessed on August 13, 2026). DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71312. EDN: ZHNLOE (In Russ.)
17. Rudneva E. G. "It Is Necessary to Understand the Different Meanings of the Great Symbol the Cup" (N. K. Roerich). In: *Novyy filologicheskiy vestnik* [*The New Philological Bulletin*], 2017, no. 1 (40), pp. 68–83. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28949240_23554055.pdf (accessed on August 13, 2026). EDN: YJMXFB (In Russ.)
18. *Severnaya lira na 1827 god* [*The Northern Lyre for 1827*]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 416 p. (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)
19. Fedorov A. V. Lermontov's Works and Western Literatures. In: *M. Yu. Lermontov.* Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, book 1, pp. 129–226. Available at: https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l43/l43-129-.htm (accessed on August 13, 2026). (Ser.: Literary Heritage; vol. 43/44.) (In Russ.)
20. Khodanen L. A. Early Lyrics of M. Yu. Lermontov in the Biblical Context. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*], 2023, no. 62, pp. 41–49. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53977234_12564980.pdf (accessed on August 13, 2026). DOI: 10.31773/2078-1768-2023-62-41-49. EDN: KYFDRQ (In Russ.)
21. Schlegel F. *Estetika. Filosofiya. Kritik*a: *v 2 tomakh* [*Aesthetics. Philosophy. Criticism*: *in 2 Vols*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983, vol. 1. 479 p. (Ser.: The History of Aesthetics in Monuments and Documents.) (In Russ.)
22. Eykhenbaum B. M. Comment. In: *Lermontov M. Yu. Stikhotvoreniya* [*Lermontov M. Yu. Poems*]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1940, pp. 277–335. (In Russ.)
23. Yukhnova I. S. Gospel Allusions in M. Yu. Lermontov's Drama "Menschen und Leidenschaften" ("People and Passions"). In: *Evangel'skiy tekst v russkoy slovesnosti*: *sbornik tezisov dokladov X Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*

(s mezhdunarodnym uchastiem) [*The Gospel Text in Russian Literature*: *A Collection of Abstracts from the 10th All-Russian Scientific Conference (with International Participation)*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2020, pp. 179–181. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_44008413_33249490.pdf (accessed on August 13, 2026). EDN: KSNNDV (In Russ.)
24. Bellis J. The Dregs of Trembling, the Draught of Salvation: The Dual Symbolism of the Cup in Medieval Literature. In: *Journal of Medieval History,* 2011, vol. 37, issue 1, pp. 47–61. DOI: 10.1016/j.jmedhist.2010.12.003 (In English)
25. Byron G. *The Complete Poetical Works*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1986, vol. 5: Don Juan. 794 p. (In English)
26. Kaya H. The Recurrent Metaphors in English Romantic Poetry: An Ecocritical Rereading of Wordsworth, Coleridge, Shelley and Keats. In: *Al Farabi Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi*, 2020, vol. 5, no. 3, pp. 30–39. DOI: 10.46291/Al-Farabi.050303 (In English)
27. Olsen G. *Byron and God. Representations of Religion in the Writings of Lord Byron. PhD. philol. sci. diss*. Auckland, The University of Auckland Publ., 2010. 370 p. Available at: https://www.academia.edu/114176790/Byron_and_God_Representations_of_religion_in_the_writings_of_Lord_Byron (accessed on August 13, 2026). (In English)
28. Yekta Mir A., Fateme C. A Comparative Study of the Mythical Time in Sohrab Sepehri's Poems and Mikhail Lermontov. In: *Journal of Comparative Literature*, 2023, vol. 15, no. 28, pp. 347–375. DOI: 10.22103/jcl.2023.20680.3566 (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сахарчук Анна Леонидовна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Государственный университет просвещения (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6378-686X; e-mail: sakharchukann@gmail.com.

Anna L. Sakharchuk, Graduate Student of the Departments of Russian and Foreign Literature, State University of Education (ul. Fridrikha Engel'sa 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6378-686X; e-mail: sakharchukann@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 19.08.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.10.2026
Принята к публикации / Accepted 03.10.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026